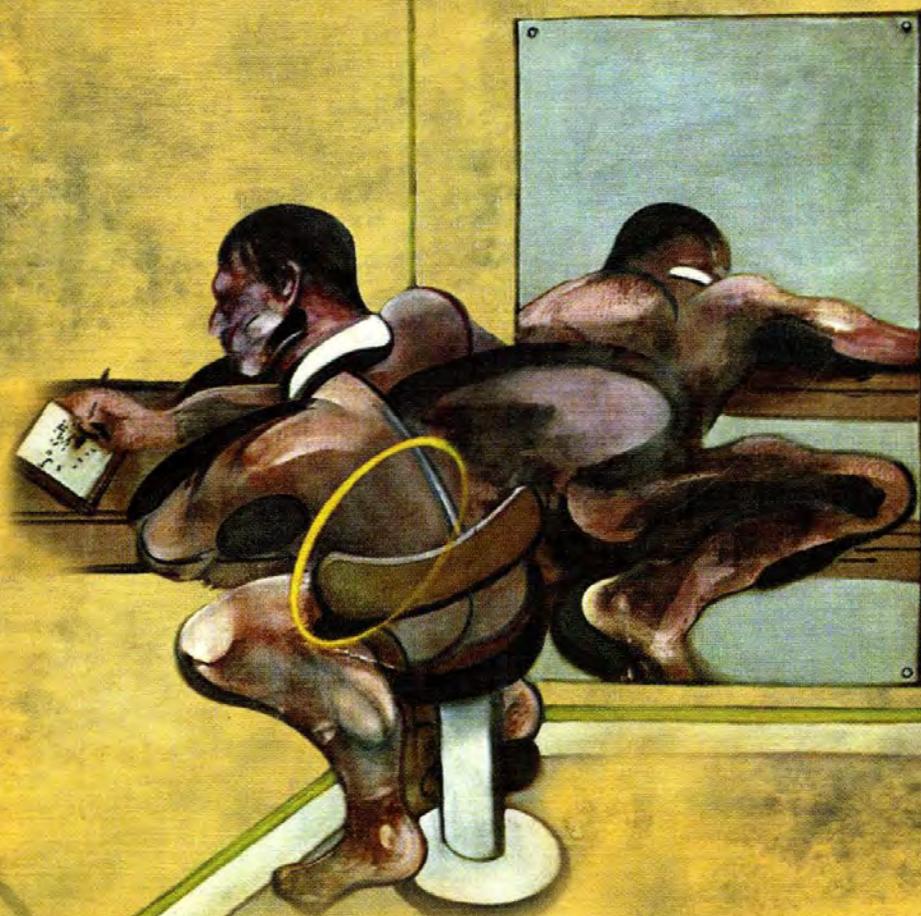

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Философия сознания:
классика и современность

Вторые Грязновские чтения

Москва
Издатель Савин С.А.
2007

УДК 7.01
ББК 87
Ф 561

Ф 561 **Философия сознания: классика и современность: Вторые Грязновские чтения.** — М., Издатель Савин С.А., 2007. — 480 с.

ISBN 978-5-902121-13-8

Редакционная коллегия:

В.В. Миронов (ответственный редактор),
В.В. Васильев (ответственный редактор),
В.И. Маркин (ответственный редактор),
Ф.И. Гиренок, Н.С. Юлина, Е.В. Косилова, Д.К. Маслов

Проведение конференции и издание материалов конференции осуществлялось при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 06-03-14007г)

В сборник включены статьи участников конференции по философии сознания, проходившей на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 17–18 ноября 2006 г. Как и первая подобная конференция, прошедшая в 2003 г., она была посвящена А.Ф. Грязнову (1948 – 2001).

ISBN 978-5-902121-13-8

© Философский факультет МГУ
им. М.В. Ломоносова

© Издатель Савин С.А., 2007

Содержание

Проблемы сознания в классической традиции

Белая И.В. Учение о сознании в даосской «патристике»: Ван Чунъян и методы совершенствования сознания в «Трактате о чистоте и спокойствии»	5
Титаренко И.Н. Современные проблемы философии сознания и лингвистические идеи стоиков	11
Кузнецов В.Н. Проблема сознание-тело в философии Нового времени	18
Артамонова Ю.Д. «Трансцендентальная проблема» Декарта глазами Гуссерля и Декарта	25
Вархотов Т.А. Картезианская антропология как эпистемологическая рамка современной философии сознания	30
Майданский А.Д. Понятие самосознания у Спинозы	41
Хитров А.В. Джон Локк, Лоренс Стерн и метафоры сознания в философской психологии XVIII века	45
Катречко С.Л. «Назад к...»: от Канта к Гуссерлю	55
Шалютин Б.С. Ментальное и материальное, или вперед к Канту и дальше вперед	62

Аналитическая философия сознания

Блохина Н.А. Рационалистическое понимание каузальности Дональдом Дэвидсоном	71
Васильев А.Ф. Интерпретивизм и проблема акразии	79
Васильев В.В. Кока-кола и секрет Китайской комнаты	86
Веретенников А.А. Функционализм и теория тождества	95
Волков Д.Б. «Сильная версия искусственного интеллекта»	105
Гарицева Н.М. Сознание как комплекс мемов	114
Гаспаров И.Г. Представимость зомби и психофизическая проблема	121
Гаспарян Д.Э. О физическом и логическом типах отношений между сознанием и телом	128
Золкин А.Л. Гипотеза «языка мышления»	134
Лебедев М.В. О проблеме экстерналистского обоснования априорного знания	140
Мареева Е.В., Мареев С.Н. О различии психики и сознания (против Д.К. Деннета)	146
Мартынов К.К. Где находится значение: дискуссия между Сёрлом и Патнемом	155
Орлов В.В. Проблема идеального	159
Сапрыгин Б.В. На самом ли деле это антиментализм? Анализ представлений Х. Патнема о референции ментальных репрезентаций	165

Джон Локк, Лоренс Стерн и метафоры сознания
в философской психологии XVIII века

Джон Локк — создатель новой модели сознания

Джон Локк был одним из создателей новоевропейской модели сознания. Аналитическое рассмотрение ментального опыта привело Локка к убеждению в возможности редукции сложных ментальных образований к их простейшим формам: к идеям ощущения и рефлексии. Доказывая, что любая идея, которой обладает человек, происходит только из этих двух источников, Локк тем самым опровергает теорию врожденных идей и принципов. Метафорически Локк выражает это представление в знаменитом образе чистой доски. Вслед за Декартом Локк понимает мышление как исключительно сознательный процесс. Сознание, по Локку, не содержит в себе никаких таинственных, темных сторон, которые нельзя было бы сделать ясными в результате внимательного и непредвзятого изучения. Кроме того, Локк был создателем концепции тождества личности, согласно которой гарантией тождества является акт самосознания, а не наличие той или иной субстанции. Отказавшись от субстанциональной теории сознания, Локк переносит акцент с личности на идеи, которыми она обладает.

Эрнст Тувесон, один из исследователей влияния философии Локка на новоевропейскую культуру, в своей статье «Локк и исчезновение Я»¹ так описывает новую культурную парадигму, созданную британским философом: новая модель мира, построенная Ньютоном, рождала в человеке чувство безопасности, мир стал понятным и больше не содержал в себе тайны, загадки и чуда. Новая картина мира, основанная на естественнонаучной парадигме ньютоновской физики, описывалась при помощи процессов развития материи, подчиняющихся естественным законам. Однако на фоне этой прозрачной ясности оставался один необъясненный феномен — человеческое сознание. Логика эпохи требовала научной теории сознания. И такая теория была создана Локком. Ее парадигмальное значение может быть обосновано фактом внимания к ней не только со стороны философов, но и со стороны писателей, поэтов и критиков. Среди последних можно назвать Александра Поупа, Уильяма Блейка, Джонатана Свифта, Даниеля Дефо, Перси Биша Шелли, Генри Филдинга, Дени Дидро, Сэмюэля Ричард-

¹ Tuveson, Ernest, Locke and the «Dissolution of the Ego» // *Modern Philology*, Vol. 52, № 3 (Feb., 1955), p. 159–174.

сона, Уильяма Вордсворта, Германа Мелвилла, Роберта Луиса Стивенсона. Однако наиболее очевидным примером интертекстуального взаимодействия философии Локка и литературы является творчество Лоренса Стерна (1713–1768). В его романах — «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (1760–1767) и «Сентиментальное путешествие» (1768) — и в его проповедях обнаруживаются несомненные следы рецепции идей Джона Локка.

Кроме того, признанным среди историков культуры фактом является наличие связей Стерна с другими философскими концепциями. Виды этих связей таковы: биографическая (Стерн был лично знаком с отдельными философами, например, с Юмом, Гольбахом и Дидро), текстологическая (Стерн цитирует некоторых философов) и обще-культурная (Стерн создает роман, наполненный его собственными философскими идеями, созвучными философским идеям его времени). Анализируя философский базис творчества Стерна, исследователи помимо Локка называют также имена таких философов как Дэвид Гартли, Джон Гей, Шефтсбери, Адам Смит, Джозеф Пристли, Томас Браун и Сэмюэль Батлер. Упоминаются и представители французской просветительской философии XVIII века, а также мыслители XX века, чьи учения обнаруживают изоморфность художественному миру и методу Стерна. Такими мыслителями являются Гуссерль и Хайдеггер.

Проблемы сознания, познания, времени, языка, эстетики и морали — таковы основные, собственно философские, тематические доминанты литературных поисков Стерна. При этом именно проблема сознания признается большинством исследователей важнейшей для писателя. Сознание является центром, исходным пунктом романа, и одновременно объектом исследования. Проблема сознания включает в себя следующие подтемы: ассоцианизм, тождество личности, проблема сознания-тела, психо-физиологического детерминизма и психологического времени. Продолжаются исследования влияния Стерна на других крупнейших модернистских писателей, которым не была чужда философская проблематика: прежде всего на Вирджинию Вульф, Уильяма Батлера Йейтса, Джеймса Джойса и Марселя Пруста. Можно указать и на случай влияния творчества Стерна на философию: один из парадоксов бесконечности Бертран Рассел называется «парадоксом Тристрама Шенди». Тема сознания находится в сущностной связи с другими указанными темами. Например, проблемы морали и совести предполагают предварительное определение статуса самосознания.

Что именно привлекало писателей, питающих, согласно распространенному мнению, интерес скорее к прихотям игривого воображения, чем к строгой аргументации, подчиняющихся скорее велениям своего художественного таланта, чем предписаниям разума? Что привлекало их в аналитической, абстрактной и сухой философии Локка? Можно предположить, что понятными и близкими для них в первую очередь должны были стать именно художественные, образные составляющие философской системы Локка. Тот факт, что Локк был не просто известен художникам, но и приобрел в творческой среде определенную популярность, означает, что его система не казалась его современникам, далеким от философии, чересчур абстрактной и сухой.

При чтении английского философа под этим углом зрения обнаруживается, что его мысль действительно богата образными примерами, остроумными иллюстрациями, неожиданными аналогиями, саркастическими комментариями и, наконец, метафорами, которые не дают читательскому вниманию ослабеть или

отвлечься от текста. Подобные художественные приемы играют не последнюю роль в построении новой модели сознания и личности.

Возможность и неизбежность метафорического описания сознания

«Опыт о человеческом разумении», по словам Лоренса Стерна, посвящен «истории того, что происходит в человеческом уме» (Т.Ш., II, ii, 95)². Важным свойством новой модели сознания, изложенной Локком в этом труде, была ее наглядность. Хотя Локк не относился с большим доверием к способности воображения, в действительности он обращается именно к ней, когда предлагает читателю те или иные описания работы и устройства сознания. Локк использует для этого множество метафор, которые не могли не получить отклик в сообществе литераторов, для которых метафора является одним из важнейших художественных приемов³. Однако за этим обращением к метафорам можно увидеть не просто частную, индивидуальную склонность Локка объяснять сложную теорию максимально просто, а сущностную проблему философии сознания в целом. Конец XVII века был временем становления философской психологии, метафизики души или, в современной терминологии, философии сознания, и, следовательно, также и языка этой новой дисциплины. Основную трудность для выработки адекватного понятийного аппарата представляла собой специфика самого предмета. Сознание не дано наблюдателю как вещь наравне с другими вещами в мире. Языковые трудности очевидны уже на этапе установления локализации этой сущности в универсуме. Типичные описания этой локализации («сознание находится в голове» и т.п.) являются неточными. Еще большую проблему представляет описание устройства сознания. Метафора и аналогия давали возможность философам все же каким-то образом преодолеть эти трудности.

Стоит обратить внимание на тот факт, что метафора обладает свойством «развертывать» свои контекстуальные следствия и ассоциативную систему ожиданий в той среде, в которую она помещается или к которой применяется. Метафорические описания сознания могут быть чрезвычайно экспансивны: сначала они принимаются только лишь как наглядные аналогии, позднее, «развернув» свою логику, они, фактически, не оставляют возможности для сомнений в их истинности. Метафорические репрезентации обладают свойством заменять собой дискурсивное объяснение.

В ряду примеров практического использования метафор сознания могут быть упомянуты современные психотерапевтические практики. Некоторые направления практической психологии занимаются конструированием продуктивных метафор, которые должны помочь решить ту или иную проблему, или выявлением

² Ссылку, приведенную в тексте, следует читать так: номер тома романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди...», номер главы, страница по следующему изданию: *Стерн Л., Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. Письма, М., НФ «Пушкинская библиотека», Издательство АСТ, 2004.*

³ Подробный анализ роли метафоры сознания в развитии философии и литературы нового времени содержится в статье *Kearns, Michael S., Metaphors and the Humanizing of the Mind // Metaphor and Symbol, 1987, Vol. 2, No. 2, Pages 115–138.*

метафор неконструктивных. Такая практика исходит из представления о возможности существования альтернативных метафор сознания, о взаимной заменимости метафор. В практической психологии очевиден прагматический и утилитаристский аспект — высокой значимостью обладает не столько вопрос о реальном устройстве сознания, сколько вопрос о том, какая метафора «работает» лучше.

Упоминание психотерапии в контексте нашего исследования неслучайно. В XVIII веке попытки теоретического определения природы сознания и психологические практики были чрезвычайно близки друг другу. Это положение доказывается примером развития ассоцианистской психологии в XVIII веке, описанным Робертом Хёлтке в статье «История ассоцианизма и британская медицинская психология»⁴. В этой работе анализируются случаи непосредственного влияния теории ассоциации идей Локка, Юма и Гартли на практику лечения психических заболеваний. Стоит особенно подчеркнуть, что описание ассоциативного механизма также не было лишено метафоричности.

Этот пример приводит к следующему методологическому вопросу: не создает ли само описание сознания, будь оно метафорическим или нет, сам объект исследования? Не становятся ли законы контекста метафоры законами самого сознания? Чтобы появление ответов на эти вопросы стало более вероятным, обратимся к конкретному историческому материалу, а именно — к «Опыту о человеческом разумении» Джона Локка и к роману Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена».

Джон Локк и литература потока сознания

На основе анализа «Опыта о человеческом разумении» можно сделать вывод о негативном отношении Локка к метафорам и аналогиям в контексте познавательного процесса. Одиннадцатую главу второй части «Опыта...» Локк начинает с утверждения о том, что очевидность и достоверность тех или иных истин зависит от способности ума к различению идей (Опыт, II, xi, 1, 204)⁵. Без способности различения невозможно никакое познание. Способность проводить различия обозначается Локком термином «способность суждения» (*judgment*). Способности суждения Локк противопоставляет другую способность — остроумие (*wit*). Остроумие состоит в быстром соединении идей, в которых можно обнаружить какое-либо сходство или подобие (Опыт, II, xi, 2, 205). Способность суждения действует аналитически, отделяя одни идеи от других, остроумие — синтетически, соединяя их в воображении на основании «сходства или соответствия». Аналитическое разделение идей прямо противоположно «метафорам и намекам» (Опыт, II, xi, 2, 205–206).

⁴ Hoeldtke R. The history of associationism and British medical psychology // *Medical history*, 11 (1967), 46–65.

⁵ Здесь и далее ссылку на «Опыт о человеческом разумении» следует читать так: номер книги, номер главы, номер параграфа, страница по следующему русскоязычному изданию: Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Соч. в 3-х тт. Т. 1. М., 1985. Английский текст цитируется по изданию: *The works of John Locke in nine volumes*, 12th ed, London, 1824.

Несмотря на это ярко выраженное негативное отношение к метафорам, Локк сам активно пользуется ими, и, прежде всего, при описании сознания. Мы не будем приводить здесь полный перечень таких метафор, укажем лишь на некоторые из них: сознание как «приемная ума» (Опыт, II, iii, 1, 171), как лист белой бумаги (II, i, 2, 154), как зеркало (II, i, 15, 162 и II, i, 25, 168), как хранилище идей (II, x, 2, 199), как сцена (II, xix, 4, 279), как темная комната (II, xi, 17, 211–212), как могила (II, x, 5, 200–201). Стоит обратить внимание на то, что большинство метафор сознания, которые создает Локк, — пространственны. В них ум понимается как вместителище идей, которые «приходят в ум», «находятся» или «хранятся» в нем. С таким пространственным пониманием сознания связано нередкое сравнение идей с движущимися образами, картинками. Эта концепция заставляет вспомнить о знаменитом образе пещеры у Платона, а также провоцирует у современного читателя кинематографические аллюзии. В некоторых случаях Локк подходит очень близко к образу ума как «кинотеатра», например, когда сравнивает его с вращающимся под воздействием тепла свечи китайским фонариком («lanthorn»), на внутренней стороне которого изображения следуют одно за другим (II, xiv, 9, 234–235), создавая эффект движения. Таким образом, если ум понимается Локком как некоторое пространство, то идеи — как движущиеся, текучие образы. Тут мы вплотную подходим к идее потока сознания.

Поток сознания — одна из самых популярных за пределами философии метафор сознания. Термин «поток сознания» («stream of consciousness») стал активно использоваться в философском дискурсе после работы Уильяма Джемса «Принципы психологии» (1890). Впоследствии этот термин проник в литературоведение и стал обозначать особую художественную технику фиксации в тексте чувств и мыслей в их естественном, неупорядоченном, нелогичном, нестройном движении. Впервые этот термин по отношению к литературе применила английская писательница Мей Синклер (May Sinclair) в 1918 году. Художественные произведения, написанные в этой манере, называются «литературой потока сознания»⁶. Среди представителей этого направления обычно называют Дороти Ричардсон, Генри Джеймса, Марселя Пруста, Джеймса Джойса, Вирджинию Вульф, Уильяма Фолкнера и многих других писателей XX века. Однако первые примеры использования этой художественной техники можно обнаружить еще в XVIII веке, в романах Лоренса Стерна. Известный исследователь творчества Стерна, Артур Кэш, называет роман «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» первым романом потока сознания⁷. К этому понятию обращается и другой известный исследователь Стерна, Джон Трауготт⁸. Понимание твор-

⁶ Подробнее о технике потока сознания см. Stream of consciousness // The Columbia Encyclopedia, 6th ed. New York: Columbia University Press, 2001–04 [http://www.bartleby.com/65/st/streamco.html]; John Mepham. Stream of consciousness // The Literary Encyclopedia, The Literary Dictionary Company, 2003 [http://www.litencyc.com/php/stopics.php?rec=true&UID=1062]; Поток сознания // БСЭ в 30 тт., 3-е изд., 1975, Т. 20. Стб. 1293–1284.

⁷ Cash Arthur Hill. The Lockean Psychology of Tristram Shandy // English Literary History, Vol. 22, № 2 (Jun., 1955), p. 125.

⁸ Traugott John. Tristram Shandy's world: Sterne's philosophical rhetoric, Berkeley, University of California Press, 1954, p. 38–45.

чества Стерна как литературы потока сознания знакомо и отечественной критической традиции⁹.

Хотя Локк не использует в «Опыте о человеческом разумении» понятие «потока сознания» («stream of consciousness» или «stream of thoughts»), мы можем обнаружить у него несколько образов, очень близких к этой метафоре. Так, например, в главе о продолжительности он пишет:

Продолжительность есть текучая протяженность (Опыт, II, xiv, 1, 231)¹⁰

и

Продолжительность сама по себе должна рассматриваться как движущаяся вперед одним постоянным, ровным и однообразным потоком... (Опыт, II, xiv, 21, 240)¹¹.

В главе «О модусах мышления» Локк описывает поток идей, не находя, правда, ему адекватного термина в английском языке:

Когда идеи всплывают и текут в нашем уме, а разум их не рассматривает или не обращает на них внимания, бывает то, что французы называют гверие (мечтательность); в нашем языке едва ли есть соответствующее название (Опыт, II, xix, 1, 278)¹².

В каждом из этих случаев акцент поставлен на разные характеристики мышления, которые, будучи объединенными, составляют традиционное понятие «потока сознания» применительно к литературе. При обращении к синонимическому ряду слов «fleeting», «course», «to float», мы обнаруживаем, что они имеют непосредственное отношение к образу потока. Однако Локк использует еще одну метафору, очень близкую к метафоре потока. Речь идет о метафоре «цепи идей» («train of ideas», «succession of ideas»).

В «Опыте о человеческом разумении» эта метафора встречается особенно часто в двух главах «Опыта...» — в главе «О продолжительности и ее простых

⁹ По мнению В. Шкловского, Стерн подготовил появление техники потока сознания: Шкловский В. Повести о прозе. М., 1966. С. 255. Елистратова А. А. Роман сентиментализма: [Английская литература XVIII в.]. Стерн. Голдсмит. Поздний Смоллет // История всемирной литературы: В 9 т. АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М., Наука. 1983. Т. 5. 1988. С. 68—74; Гениева Е. Ю. Поток сознания // БСЭ, 3-е изд., 1975. Т. 20. Стб. 1293—1284; Атарова К. Н. «По-шендистски Ваш, Лоренс Стерн» // Стерн Л., Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. Письма, М., НФ «Пушкинская библиотека», Издательство АСТ. 2004. С. 10.

¹⁰ Duration is fleeting extension.

¹¹ Duration, in itself, is to be considered as going on in one constant, equal, uniform course...

¹² ...when ideas float in our mind, without any reflection or regard of the understanding, it is that which the French call reverie; our language has scarce a name for it: when the ideas that offer themselves...

Похожим на приведенные выше описания выглядит и описание сновидений:

Но в своем удалении от чувств ум часто сохраняет еще более свободный и бессвязный способ мышления, который мы называем сновидением (Опыт, II, xix, 4, 279)

[But in this retirement of the mind from the senses, it often retains a yet more loose and incoherent manner of thinking, which we call dreaming.]

модусах» (Опыт, II, xiv) и в главе «О модусах мышления» (Опыт, II, xix). В этих главах Локк описывает работу сознания при помощи метафоры «цепи идей», не объясняя, почему одна идея следует за другой, но только лишь указывая на то, что такое следование имеет место. Именно эта концепция мышления может пролить свет на принцип организации нелинейного нарратива романа Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», на специфику его техники «потока сознания». Наш тезис можно сформулировать следующим образом: техника потока сознания Стерна основана на метафорической концепции цепи идей, разработанной Джоном Локком. Рассмотрим основания этого утверждения.

В главе «О продолжительности» Локк описывает свое понимание проблемы времени. Простыми модусами продолжительности являются часы, дни, годы, время и вечность, то есть части временного ряда или совокупность всех моментов времени. Саму идею времени, по Локку, человеческое сознание получает из наблюдения за своим внутренним опытом, то есть за постоянно движущейся цепью идей. Стоит подчеркнуть несколько важных свойств этого ментального механизма.

Во-первых, в бодрствующем состоянии в сознании человека всегда присутствует цепь идей (Опыт, II, xiv, 3, 232). Во-вторых, на основании сознания сменяющихся друг друга идей человек получает знание о своем существовании. Указывая на этот источник идеи существования Я, Локк высказывает мысль, созвучную знаменитой концепции Декарта *cogito ergo sum*. В-третьих, часть следующих друг за другом идей могут ускользнуть от внимания, когда человек сосредотачивается на каком-либо одном предмете мысли. В-четвертых, цепь идей обладает устойчивой скоростью, хотя эта скорость и может меняться в некоторых пределах. Постоянство скорости идей задает пределы восприятия (Опыт, II, xiv, 10, 235).

Психология автора и героев романа Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» удивительным образом согласуется с этой концепцией. Во-первых, Тристрам Шенди на протяжении всего романа пытается поставить в соответствие каждому моменту своей жизни в Шенди-Холле некоторый фрагмент текста. Однако простейшей единицей повествования для него оказывается не событие, но акт мысли. Тристрам Шенди интересуют не факты, но движения духа, последовательность идей. В действительности Стерн пытается установить соответствие не между событием и текстом, но между текстом и потоком идей. Поток идей может иметь место даже тогда, когда никаких значимых событий не происходит. Можно даже сказать, что Стерн вообще не описывает события как таковые. Предметом описания становятся идеи событий («жизнь» или идеи ощущения в терминологии Локка) и идеи идей этих событий («мнения» или идеи рефлексии). Поставив перед собой задачу описать свою «жизнь и мнения», Тристрам Шенди оказывается в положении Ахиллеса и черепахи: ведь идеи в бодрствующем состоянии, в соответствии с теорией Локка, следуют одна за другой без перерыва. Именно этим можно объяснить тот факт, что всего несколько лет жизни главного героя растягиваются на девять внушительных по объему томов.

Во-вторых, поистине философское решение Тристрама Шенди начать описание своей жизни с нуля, *ab ovo*, допускает два понимания: синхроническое и диахроническое. В качестве основы личности может выступать либо момент начала жизни, то есть непосредственно момент рождения, либо некоторая базовая структура сознания. На первый взгляд, Тристрам Шенди исходит из первого,

диахронического, понимания личности. Однако в действительности Тристрам Шенди доводит диахроническую концепцию личности до абсурда, описывая события, предшествующие его рождению, в частности, — свое зачатие. Тристрам Шенди рассматривает несколько моделей детерминистического объяснения личности. Основанием уникальности личности и судьбы служат то обстоятельства рождения, то данное после рождения имя, то климат, в котором воспитывается герой, то семейные традиции, то игра Фортуны. Но все эти диахронические способы объяснения подвергаются ироничной критике со стороны Тристрама Шенди, после чего герой приходит к единственному удовлетворяющему его синхроническому способу объяснения личности: через описание господствующей над человеком страсти («конек», «hobby-horse», «ruling passion»), задающей направление и формирующей содержание ассоциативных потоков. Поиск истоков человеческой личности не в обстоятельствах жизни эмпирического Я, но в механике ментальных актов чрезвычайно созвучен интенциям как Декарта, так и Локка.

В-третьих, сущность «отступательного искусства» («digressive skill»), которое практикует Стерн в своем романе, состоит в том, чтобы при переходе от главной темы к теме побочной, главная продолжала свое развитие, «не стояла без движения» (Т.Ш., I, xxii, 83). «Внутренняя механика» романа, таким образом, аналогична механике ума в теории Локка: когда внимание концентрируется на какой-либо из идей, другие идеи продолжают свое течение в своем потоке.

В-четвертых, в «Тристраме Шенди» читатель сталкивается с эксцентричной концепцией времени, которая заставляет еще раз вспомнить о понятии литературы потока сознания, а точнее, об экспериментах с описанием времени, которые осуществлялись ее представителями¹³. То, что теория времени, примененная Стерном в «Тристраме Шенди», имеет свои корни в локковской концепции продолжительности, не вызывает никаких сомнений, так как сам Стерн ссылается на Локка в соответствующих фрагментах своего романа (Т.Ш., III, xviii, 187–189). Многие герои романа, да и сам рассказчик, отмечают, что воспринятое ими время оказывается либо длиннее, либо короче, чем время, отмеренное часами (см. например, Т.Ш., II, v, 102; Т.Ш., III, xviii, 187). Стерн пользуется усиленной метафоризацией концепции «цепи идей», упоминая кроме вращающегося от тепла свечи фонаря еще и артиллерийский обоз («a train of artillery»), «вереницу бредней» («train of a fiddle stick») и вертушку, приводимую в движение дымом из очага («smoakjack») (Т.Ш., III, xviii, 189). Локк утверждает, что понятие длительности произошло из сознания «постоянной и правильной последовательности идей» в сознании (Опыт, II, 14, 12, 236), и, как упоминалось выше, скорость смены идей в этой последовательности имеет пределы скорости. Теория Стерна, при видимом

¹³ Среди множества работ, посвященных стерновскому пониманию времени, можно указать на следующие, рассматривающие эту теорию в связи с более поздними модернистскими литературными экспериментами: Карслян К. А. Искусство игры на часовых стрелках по Стерну // XVIII век. Искусство жить и жизнь искусства, МГУ им. М.В.Ломоносова, М., 2004. С. 141–152 (о Стерне, Джайсе и теории относительности Эйнштейна); Traugott, John, *Tristram Shandy's world: Sterne's philosophical rhetoric*, Berkeley, University of California Press, 1954, p. 39 (о Стерне и Прусте); Cash, Arthur Hill, *The sermon in Tristram Shandy* // *English Literary History*, Vol. 31, No. 4 (Dec., 1964), pp. 395–417 (о Стерне, Прусте, Гертруде Стайн и Вирджинии Вульф).

подобии, состоит в утверждении другой, быть может даже противоположной, мысли: восприятие времени меняется именно вследствие различной скорости идей.

Свет на этот парадокс проливает исследование Жана-Клода Салле «Источник стерновского понимания времени»¹⁴. В этой статье Салле доказывает, что, по-видимому, ответственность за искажение локковской мысли лежит на английском писателе и популяризаторе философских концепций Джозефе Аддисоне, чья статья о теории времени Локка, опубликованная 18 июня 1711 года в 94-м номере журнала «Spectator», была известна Стерну и встретила его одобрение. Именно Аддисон вводит представление о возможности замедления или ускорения до бесконечности скорости движения идей.

Этот пример еще раз демонстрирует вовлеченность Стерна в широкий контекст философских дискуссий его времени, а также показывает специфические механизмы усвоения, адаптации и интерпретации философских идей литературой.

Кроме того, рассмотренный нами сюжет позволяет пролить свет на генетические корни потока сознания как художественного метода, а также поставить вопрос о типологических особенностях литературы и философии модерна. Традиционное объяснение специфики литературы Пруста и Джойса через указание на фигуру Бергсона обретает новую историческую глубину. Первый роман потока сознания оказывается связанным с одной из первых концепций в рамках философской психологии как научной дисциплины. Примеры Пруста, Джойса и Бергсона дают основание полагать, что данное интертекстуальное родство неслучайно.

Заключение

Анализ литературно-философских моделей сознания на примере творчества Лоренса Стерна и Джона Локка позволяет, во-первых, выявить несколько методологических моментов, существенных как для философии сознания, так и для историко-философских и историко-культурных исследований, а во-вторых, поставить несколько вопросов в рамках философии сознания.

Прежде всего, стоит отметить специфику взаимосвязи таких феноменов как философия и литература. Если философия стремится к отысканию истины посредством последовательной аргументации, то целью литературы является достижение некоторого художественного эффекта. Локк, как это можно увидеть на примере анализируемого нами сюжета, повлиял на Стерна так, как один писатель влияет на другого, то есть риторически. Стерн использует элементы теории Локка главным образом для создания комического эффекта. В большинстве случаев Стерна не интересует окончательное решение тех или иных философских проблем.

И литературные, и философские тексты создаются с использованием естественного языка. Благодаря этому и философия, и литература обладают широким спектром выразительных возможностей, что приводит порой к размыванию границ между ними. Мы не будем заниматься решением вопроса, существуют ли на самом деле подобные границы. Он подобен спору о реальности или номинальности универсалий. Ссылка на положение дел в некоем трансценденталь-

¹⁴ Sallé, Jean-Claude. A source of Sterne's conception of time // Review of English Studies, 1955; VI, 180–182.

ном мире идеальных сущностей, среди которых могут быть обнаружены идеи философии и литературы как таковых, не выглядит убедительной, ведь опыт знакомства с трансцендентальным миром обычно сугубо индивидуален и субъективен. Обращение к истории соотношения этих видов духовной практики дает основания говорить об отсутствии между ними непроницаемых границ.

Чем объясняется эта фиксируемая эмпирически проницаемость границ между литературой и философией? Опыт анализа сочинений Локка и Стерна, а также принципов построения моделей сознания и практик использования метафор, может предложить один из возможных ответов. И литературный нарратив, и философский текст содержат ту или иную долю художественных элементов: тропы, образы и т. д. Вместе с тем, и те, и другие тексты не лишены аргументативной составляющей. Хотя тот или иной текст содержит в себе в скрытом виде правила собственного прочтения, однако он не принуждает читателя к конечному выбору стратегии чтения: текст Локка может быть прочитан как текст литературный, а текст Стерна — как философский.

При взгляде на философские тексты XVIII века, посвященные философии сознания, мы можем обнаружить в них массу метафор. Присутствие в неразвитой теоретической области метафор вполне естественно: строгий и специальный язык для объяснения неочевидных положений еще не создан. Однако, по-видимому, в развитой теории сознания метафоры и аналогии должны быть сведены до минимума. Поэтому если мы полагаем, что современные теории сознания являются более развитыми теориями, чем теории XVIII века, мы вправе ожидать, что роль метафоры будет в них незначительна, что если метафоры и будут использоваться в них, то только в пропедевтических целях, а не будут заменять собою объяснения. В действительности же современные философы весьма интенсивно пользуются метафорами и аналогиями для описания сознания. По-видимому, это может означать, что либо философия сознания до сих пор не является строгой дисциплиной и все еще не сумела преодолеть метафорическую гравитацию естественного языка, либо метафоричность является следствием самой сущности исследуемого предмета. Быть может, его описание всегда будет неизбежно метафоричным? Быть может, мы обречены говорить о нем при помощи намеков?

Кроме того, невозможно игнорировать факт обусловленности метафор сознания культурным и национальным контекстом. Если обусловленная культурой метафора выполняет функцию объяснения, а не украшения теории, то относительность такого объяснения очевидна. По-видимому, можно говорить также о культурной обусловленности мыслительных экспериментов, широко применяющихся современной философией сознания.

Все эти примеры рождают сомнения в том, что мы начинаем лучше понимать устройство, природу и сущность сознания, заменяя одну метафору другой, к примеру, метафору китайского фонарика метафорой компьютерной программы? Или, быть может, напротив, мы глубже проникнем в природу сознания, если будем постоянно создавать все новые и новые метафоры, все новые и новые нарративы о сознании. Если будем выращивать ростки нового языка философии сознания на литературном поле, отказавшись от дискурсивных практик экспликации в пользу визуальных репрезентаций и моделей, и смирившись с исторической относительностью наших на первый взгляд строгих теорий? — Вот вопросы, к которым приводит нас наше исследование.